

ИЗ ОНОМАСТИКИ ЛУЖИНСКИХ ДЕРЕВЕНЬ¹I. Муханки

Лужинскими деревнями, принадлежавшими до 1917 г. семье Лужиных, считаются Бобрво, Парамбново, Стрёково и Муханки. Ономастическая перепись начата с последней из этих деревень. Поскольку в Дмитровском районе, к которому относятся эти деревни, она не единственная, в случаях противопоставления Муханки Подъячевского сельского округа здесь представляют как *Маленькие Муханки*, свою же называют *Большими Муханками*, что однажды отразилось на крупномасштабной карте 1940 г. Находится деревня около 2 км северо-западнее ж.-д. ст. Турист (до 1936 г. — Влахернская), у Тройни (Трояки) — так здесь называют место слияния рек Яхромы, Икши и Волгушки (последние чаще зовутся *Волгушкой* и *Икшанкой*).

Мухановские старушки помнят последних бар, живших в окрестностях деревни или снимавших здесь дачу. — Некрасовых, Рукосуевых, Кузбкиных, Алёнчиковых, Тарасовых, помнят, как старая барыня Елена Некрасова ни жива ни мертвa, меняла вещи на еду в 1947 г., когда деревенские сами ели одни *кавардашки* — олады из картошки. Добрым словом поминают старожилы Лужина с его женой Лужиной, не забыли также их родственника Тайбе, одного из последних владельцев усадьбы, под которую во время революции *пълажили мины и взорвали; и панина, и рагали* (1). Сейчас о прежнем названии владельческого сельца Григорово, где находилась эта усадьба, напоминают лишь *Григоровская гора*, *Григоровский колодец* да оставшаяся теперь уже только в памяти *Григоровская школа*, построенная Лужинами для своих крестьян и разобранная до основания. Официально это место называется теперь *загородной базой Московской городской станции юных туристов*, однако в Муханках «младшие», которым по 50–60 лет, именуют ее *Турбазой*, а старшие — *Борьбой*, по устроенной здесь в 20-е гг. одноименной коммуне, памятной, помимо прочего, тем, что даже на Пасху — не успели мужику разгравеца еще снег лежит, а им: «*Идите в Барью навоз накладать!*» (1).

Лужинские деревни связаны родственными и иными связями с соседним *Деденевым* (здесь и далее окончания передаются в местном произношении), поселком *Турист* (до 1936 г. — *Влахернский монастырь*; в почти утраченном местном произношении — *Мънастырь*, *Валахерский мънастырь*), с деревнями *Степановым*, *Животиным*, *Круглиным*, *Медведками* (офиц. — *Медведково*), *Целевым*, *Новлянками*, *Григорковым*, *Дьяковым* (реже — *Дякбовым*), *Языковым*, *Горками*, с селом *Шухловым* (реже — *Шукловым*, офиц. — *Шуколово*), где прежде был их общий *шуклов*.

¹ Статья была опубликована в сборнике «Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья». — М., 1996. — С. 203–210.

ский приход, и с городами Йхромой, Дмитровым, Москвой. К линии, то есть к железной дороге, путь от Муханок идет мимо Фабрики и Шумской — поселков, еще не взятых на учет и потому не имеющих официальных названий. Первый из них пока не подписан даже на крупномасштабных картах. Его возникновение приписывается некоему купцу Карбалиту, который построил двухэтажный корпус для будущей своей фабрики, но не успел ее организовать: помешала революция. В 30-е гг. там удалось наладить выпуск шелка и сукна. Сейчас фабрика перепрофилирована на производство искусственного меха, вокруг нее выросло несколько жилых домов (4). Второй поселок обозначен на картах масштаба 1:100 000 между Целеевом и Шуколовом как «бальн.» (больница): в 50-60-е гг. германские строители возвели здесь вместе с некоторыми домами для obsługi филиал ЦИТО — детскую ортопедическую больницу №19 им. Шумской, чье имя без изменения грамматического рода перешло на поселок: у Ильевой дочь — медсестра, в Шумской работает. В 1995 г. больница переименована в честь Т.С. Засецина; посмотрим, скажется ли это на местном названии поселка, однако отметим, что и прежде это место не пустовало: здесь был башкин дом одной из информанток (2).

С названиями многих окрестных деревень связана местная микротопонимия: на Круглинский гаре — калина сильная; за клювой ходили на Языковые балота под Языковым; у деревни Боброво — Бобровские балота, а Целевые луга, Стрековые лес и поле исстари относились к Целеву и Стрекову. Некоторые из названий, возможно, сохранили связь с именами давно исчезнувших селений: лес Маня́сово, или Маня́совский (он же в произношении информанта 4 — Маня́сава, Маня́сафский) и Маня́совский (Маня́сафский) овраг, сенокос Устийиха, Головинский лес, а также дальний (между деревнями Круглином и Животином) пруд, о котором мы узнали из частушки:

В Сарасычском пруде
Нашли мальчика в воде:
20 фунтов кирпичей,
Неизвестно, мальчик чей.

Другие дальние пруды: ныне спущенные из-за обилия комаров Барские пруды (на территории бывшей барской усадьбы) и Чёрный пруд — у лесной дороги на середине пути из Борьбы в Боброво.

Судя по отсутствию суффикса -ск(ий) в названиях Никитин овраг и Савин лес (сведен на дачные участки для московских фабрик им. Свердлова и «Красная роза», для завода им. Войкова и института геофизики), они образованы не от топонимов, а от фамилий или имен. Поэтому упомянутый выше Головинский лес, несмотря на мнение информанта, что там жил некий Головин (2), свидетельствует о связи названия с исчезнувшим ныне селением, а не человеком.

Часть микротопонимов образована от старинных местных терминов рельефа: гора Пупок ← пупок, «крутя гора»; овраг Раскоряка, он же Раскорячка ← раскоряка/раскорячка «распадок»; гора Голыш ← голыш «гора с голой вершиной»; овраг Булаг, где в сильный водополь («паводок, половодье, разлив»; в произношении — въдольтиль) вода бушует как море (1, 2) ← бочаг, бучаг «омут, глубокая яма с водой». Лес и гора Раскоряка/Раскорячка, сенокос и лес Голыш получили названия по непо-

средственной смежности с одноименными оврагом и горой. Поле Липняж, леса — Сосёчки, Елочки, Берёзник (после его вырубки — Вырубка), гора Подберёзник означают разные виды местных лесов, живых или уже сведенных. На последние указывает и название двух лужков Куліги, возникшее, судя по «Лексическому атласу Московской области» А.Ф. Войтенко (М., 1991. — Карта 194), от распространенного в северном Подмосковье термина куліга «полянка в лесу». Подпольный луг означает его расположение под падем (Стрековским), а название луга Трояки, куда мухановских школьниц посыпали сено шевелить <переворачивать для сушки>, дано ему по соседству с Тройней (см. выше). Однако чаще название луга произносят как Трайти, где т, как и во многих других русских говорах, звучит на месте мягкого к (см. Диалектный атлас русского языка. — Вып. 1. — М., 1986. — Карта 68). Еще один луг — Прибыля; как видим, название не согласуется с термином в grammatischem роде: как и в случае с поселком Шумская, оно перенесено с другого объекта — со старицы речки Волгуши (Волгушки) Прибылой, куда вода прибывает в въдопель (см. выше) и заливает весь луг.

Насколько богаты названиями окрестности Муханок, настолько мало их в самой деревне. Единственные улицы и пруд так Улицей и Прудом называются. Таким же простым было название места, где гуляли всей деревней на Святки или на престольный Успенский день — Под липой. Это приметное мощное дерево не сохранилось. При необходимости уточнить место на деревенской улице используют антропонимы: где? — у Жукá (то есть у дома Жуковского); у Сáги (Сáга — перешедшая в прозвище пренебрежительная форма от Александра, данная за сумму «достоинств»: выгнал мать, продал квартиру, пьяным сжег дом, и теперь он сам и его сестры обитают каждый в своей бýдке, а брат Юрка — в вагончике); у Тормозы, которая, выйдя замуж за мухáновского, принесла из соседнего, ныне не существующего Мáрфина частушку:

У попа была коза —
Через ноги тормоза.
На ей воду он возил,
Через ноги тормозил,

на что Муханки ответили своей частушкой, от которой сохранился фрагмент: «Тормоза, Тормоза — Настоящая коза! Носительница прозвища за долгие годы привыкла к нему и, обнаружив его однажды в списках избирателей, без тени досады объяснила заезжему чиновнику, что это она сама и есть, А.Н.Т-ева.

Наиболее заметные характеры отразились также в добродушном прозвании Чудилька (любительница почу́дить, песенница и частушечница), в опасливом — Колдунья (и мать у ей колдунья была), в «клейме» чужака — Балдуй. «Ужасный человек, у него даже ноги сгнили», — не ставяясь, добавляют собеседники, находя в болезни обидчика как бы приживленное возмездие за дурной нрав. Но это прозвище — предел общественного осуждения; другие вызывающие порицание личности именуются вполне нейтрально: Рязанка (приехала из Рязани; угрибила, по мнению жителей, свекровь, муж удавился, сын утопился, сама вместе с дочерью спекулирует водкой, спаивая мужжуков); Хохлушка (приехала из Ростова-на-Дону; весьма нестрогого поведения, сожгла чужой дом); однако чаще как прозвище используется собственная, весьма выразительная фамилия ростовчанки, поскольку лет 20 в деревне живет дру-

гая Хохлушки (из Воронежа), купившая дом у Татьяны Барбиной, — Станиславская, имени которой информанты не смогли припомнить: *Мария*?

Как и в других коллективах, прозвище в Муханках нередко происходит от фамилии: *Сашка Соколёв* (погиб на войне) → *Сашка Сокол*; не слишком разговорчивая тётка *Нюша Тимофеева* — *Болтушка*, так как по мужу она *Болтушкина*; одну из Тимофеевых «всю жизнь» называли *Орлёнок* (в девичестве была *Орловой* из Долгопрудной). Однако отфамильные прозвища некоренных жителей наполняются дополнительным содержанием. Так, упомянутый выше Жук по паспорту *Жуковский*, но к тому же он из тех, кто *всё тащил*. Женившийся на коренной мухановской *Баранов Андрей Григорьевич* (*Андрюшка, дядя Андрей*) из коммуны «Борьба» и оба его сына (они даже школу не кончили) получили репутацию нетрезвых и нехозяйственных, что отразилось в прозвище *Бараньё*. Не оценено даже первое место по лыжам, завоеванное одним из братьев на всесоюзном соревновании в 16-летнем возрасте.

Прозвища некоторых коренных жителей стали уличными или официальными фамилиями. Так, многих Тимофеевых называют также *Кормилицыными*: их прабабушка была кормилицей в семействе Лужиных. Эту фамилию носил дед нашего информанта (4), Николай Осипович, будучи администратором в московском институте благородных девиц, что находится у Балчуга. В годы революции он вернулся в деревню крестьянствовать. Одни *отошедшие* от него сыновья предпочли фамилию *Кормилицын* (их потомков нет в Муханках), другие сохранили родовую — *Тимофеев*. Другая уличная фамилия — *Хромёвы* — принадлежит одной из ветвей Барбинах. Отец нашей собеседницы (1), Василий Ефимович (род. около 1858 г.), при костью отрезал палец на ноге, но продолжал *везде бегать* и у него *стянуло* жилы, стал ходить на костылях. Узнав об этом, барин-граф Лужин, он тогда надо всей Москвой был, накупил узел гостинцев, отвез крепостного в московскую больницу, раздариł нянькам угощенье, и они кинулись ухаживать заувечным. Однако вернулся он хромым, что не мешало ему по великим праздникам уходить пешком в Троице-Сергиеву лавру и уже к вечеру бывать там. В 33 года он женился, и вся его семья — жена и пять дочерей — в отличие от других Барбинах по-уличному звалась *Хромёвыми*. Были и другие прозвища, отражавшие какие-либо особенности человека, но они не породили уличных фамилий. Так, крупного и мощноголосого Ваню Барбина, погибшего на фронте, до войны звали *Громом*, другого земляка за излишнюю полноту — *Кутузом*, одну из муханских смугланок — *Чернавкой*.

До войны коренные мухановские семьи носили пять фамилий: *Тимофеевы* (в том числе *Кормилицыны*), *Барбины* (включая *Хромёвых*), *Кузьмины*, *Соколёвы* и *Синицыны*. Последняя фамилия была представлена лишь одной, но самой большой семьей: у матери-героини Прасковьи (*Полины, Польки*) и Андрея (*Андрюши*) было шесть дочерей и четыре сына. Троє из них погибли на войне, четвертый живет где-то в другом месте Дмитровского района, одна из дочерей уже умерла, остальные разъехались, и Синицыных в деревне не стало. Их дом купили жители того же района *Валовы*, но корней здесь не пустили: продали участок с развалившимся домом горожанину из Дмитрова, а сами обосновались в Деденеве. Не осталось и *Барбинах*, мужчины погибли или, как учитель Иван Петрович, не вернулись в деревню, Евгения Терентьевна умерла, многие женщины сменили фамилию: выйдя замуж за

калининского, Евдокия Михайловна (в молодости — *Лебедь, Дуня, Дунька*) стала *Шавалёвой* (в произношении *Швалёвой*), а Евдокия Васильевна (*Дуня, Дунька, Душа*) — *Барановой*. Ее сестры *Маша* (ныне *тётя Маша*), *тётя Матрёша* (в молодости — *Матрёшка, Мотя*), *тётя Паня* (в молодости — *Парня, Парашка*), *тётя Клания* (ранее — *Клания, Клышка*) кто уже умер, кто обосновался в других весах. Из *Соколовых* здесь постоянно живет не выходившая замуж Домна Осиповна (*Домка*), а Соколов Леонид Александрович использует свой дом как летнюю дачу. Часто бывает в деревне Андрей Георгиевич Тимофеев (Кормилицын), его родственница Людмила Николаевна Морозова (в девичестве — *Люда Тимофеева*, родом из *Гаврилкова*) живет в Целееве и продаёт свой мухановский домик. Для других женщин эта фамилия «благоприобретенная»: Настасья Ивановна (в молодости — *Наська Алексеева*, ныне — *тётя Настя*) вышла сюда замуж из Степанова; *тётя Нюша*, чье отчество не вспоминается — *Яковлевна? Степановна? Михайлова?* — была *Рыбушкиной* из Дьякова или Целеева. Тимофеевой по мужу была и *Тоня Тормоза*, зарубленная в собственном доме *Юрой Валовым* в апреле 1996 г.

До войны в деревне было много мужчин *Кузьминых*: Иван с сыновьями *Мишкой* и *Борькой*, Василий с сыновьями *Сашкой* и *Сенькой*, Пётр с сыном *Ванькой*. Но уже тогда начался исход этой фамилии: две сестры, у одной из которых расстреляли мужа как раз *против* (накануне) *войны*, ушли на *рафакт* (рабфак) и не вернулись: одна стала врачом, другая — учительницей. Помимо упомянутого выше *Саги* (он же *Санек*), его братьев (*Валентина и Юрки*) и сестер (*Раи и Нади*) остались в деревне Тамара Сергеевна *Кузьмина* и *Тоня* (Антонина) *Кузьмина*, в девичестве *Минина*, дочь председателя коммуны «Борьба», первого директора Дмитровского историко-художественного музея Василия Васильевича Минина. Дочь Антонины Васильевны вышла замуж за целёвского парня *Сергея Попова*, и их сын *Павлик*, изобретатель и механик, переехал в Муханки. Из сестер *Кузьминых* — *Сашки, Машки, Клышки* и *Лизки* — в Муханках осталась последняя (ныне — Елизавета Ивановна), но уже под иной фамилией — *Рыжих*: вышла замуж за *боронежского*. Таким образом, благодаря бракам у коренных жителей появилось шесть новых фамилий — *Барановы, Болтушкина, Шавалёва, Морозова, Жуковская* и *Рыжих*.

Остальные фамилии мухановских жителей появились вследствие дальних и ближних миграций разного времени. В 20-е гг. здесь поселились *Селезнёвы*, их сын *Федька* по прозвищу *Цыган* ходил в Григоровскую школу. Сейчас в деревне остались бывшая завклубом *Анна Васильевна* и ее племянник *Сергей Васильевич Селезнёвы*. В 30-е гг. дальний путь из Рязани проделали *Беркетовы*, он в колхоз пришли. Тётка *Нюша Беркетова* с сыном *Мишкой* и сейчас живут в деревне. Из развалившейся коммуны перебрались сюда *Ермакёвы* (в произношении — *Ярмакёвы*). От этой семьи остались *тётя Маруся* с сыном *Валентином Александровичем* и *Ермакова*, вышедшая замуж за *шибловского* (то есть из *Шиболова*) и ставшая *Масаловой*, чье имя затрудняются вспомнить. Во время строительства канала появился тамбовский по происхождению *Пётр Медведев*, председатель народного дома. В Муханках живет его дочь *Анна Петровна*.

Чужаком прожил в деревне *Леонид (Алёшка) Красавин*, переселившийся откуда-то из Дмитровского района. Сейчас его дом, как и прозвище, наследует его сын. Вый-

для замуж за одного из Барбинах, появилась рязанка *Йвлева Анна Андреевна (Нюрка, Нюшка)*. Как жена одного из жителей приехала в деревню с юга России *Мария (Машка) Швачкина*. Не местным был и *Гришка Тёррин*, чей дом хотел купить космонавт Попович, которому полюбились мухановские виды, но не позволили дмитровские власти, и покупка досталась некоему *Хирургу*. После войны переселились сюда *Владимир Татаринов*, *парамоновский выходок*, и *Шарабанов*, тракторист, который собирается смастерить гусеничный трактор. Последние новоселы Муханок исключительно дачники: московский хирург *Анатолий Просинков*, купивший после смерти хозяйки дом Тимофеевых; *Анатолий Ильич Калошин* (в местном произношении — *Галошин*), москвич из Тимирязевской академии, построивший себе садовый домик (*сарайчик*); новый дачный дом строит житель Орудьева или Дмитрова — *Кудряшов*. Как видим, некоренные жители внесли в мухановскую антропонимию 15 фамилий из разных регионов России и Украины (*Станиславская*); таким образом, вместе с «замужними» появилась 21 новая фамилия против пяти коренных.

Со временем меняется и именная система Муханок. Раньше никого не звали по отчеству; с детства до старости ровесники обращались друг к другу: *Сашка, Шурка, Коська* (Константин), *Нюрка, Нюшка* (об умершей двухлетней девочке — *Анка*). Это никому не казалось обидным. Напротив, по оценке самих жителей, такое имя — *самое прямое, оно ясно, коротко* (4). Так же звали детей родители. Известно лишь одно исключение: Андрея Тимофеева в деревне называли не *Андрюшкой* или *Лёшкой*, как других, а *Арькой*; это — *-к-* в имени было необходимо: мудрая мать советовала сыну не высыватьсь, дома же называла его *Арей*, поскольку так повелось от крестного — барона Бориса Таубе. И сейчас младшие родственники называют Андрея Георгиевича *дядей Ареем*. Однако годам к 50 местный этикет ограничивает суффикс *-к-*: в глаза, особенно при посторонних, обходятся уже без него или пользуются полным именем — *Вася, Василий, Тоня*. Младшие, говоря о старших, вообще не используют его: *дядь Вова, тётя Валя*. Имена типа *Павлик* или величание по отчеству — явления позднейшего времени.

Будущим исследователям следует обратить внимание, что два антропонима Муханки используют для именования свиней: все кабаны — *Васьки*, все свиньи — *Аксютки*. Судя по скучным остаткам кличек других домашних животных, подобных имен не давали: *Белянка, Малышка* — у *соседев коровы* были.

Представленный материал показывает, как в течение века местная система собственных имен наполнялась новым содержанием и, вместе с тем, разрушалась с превращением деревни в дачный поселок. То, что еще сохранилось, уже некому наследовать: на единственной мухановской улице даже летом не увидишь ребятишек, нет на ней, кроме собак и кошек, никаких животных...

Информанты

1. Барапова Е.В. (1904 г.р.), бывшая колхозница.
2. Барапова В.А., ее дочь (1935 г.р.), инженер.
3. Березкина Тамара Захаровна (1937 г.р.); информантка называлась вымышленными именем).
4. Тимофеев А.Г. (1915 г.р.), геолог.

СБОР ОНОМАСТИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГРИГОРОВА

В Григорове, бывшем поместье Лужиных, Московская городская станция юных туристов регулярно проводит первенство Москвы по туризму среди учащихся, в 1995—96 гг. общество «Энциклопедия российских деревень» предложило участникам первенства задание по лингвистическому краеведению, точнее, по ономастике — науке, изучающей собственные имена (географические названия любого типа, фамилии, имена, отчества, прозвища людей, клички животных, названия звезд и т.п.). Необходимость привлечения школьников к собирательной работе продиктована тем, что в наших деревнях и селах осталось совсем мало коренных жителей, а это значит, что вместе с ними уходят многие традиции и знания, с которыми молодое поколение почти не знакомо, а утрата языка — невосполнимая потеря нашей национальной культуры. К числу таких традиций относятся и деревенское собственные имена, система которых и древнее, и ярче городской ономастики.

Сбор собственных имен школьники производили по следующим вопросам:

1. Как коренные жители произносят название своей деревни и ближайших к ней?
2. Жители Москвы называют себя москвичами, а как называют себя коренные жители деревни?
3. Как они называют жителей соседних деревень?
4. Делятся ли деревня на части и как они называются?
5. Как называются реки и другие водоемы, находящиеся в землепользовании данной деревни?
6. Как называются ближайшие к деревне поля, леса, овраги, горки и т.п.?
7. Запишите паспортные и непаспортные фамилии коренных жителей деревни.
8. Как сами жители объясняют название своей деревни?
9. На Дону всех жителей одной станицы в шутку называют хвостами, так как, по местной легенде, однажды некая хозяйка, когда пекла пироги, смазала сковороду маслом с помощью собачьего хвоста вместо помазка. Запишите такие же именные прозвища и легенды о местном городе или окружающих деревнях.

В анкете подчеркивается, что ребята должны обратить особое внимание на произношение местных названий (имен): записывать их близко к звучанию, обязательно отмечать ударение и не пропускать варианты. В дополнительном задании, за выполнение которого прибавляются баллы, учащимся предлагается начертить схему деревни и ближайших окрестностей с названиями всех объектов, которые есть в деревне и рядом с ней. Подписи на схеме также должны иметь указание на местное ударение.

В 1995 г. заданием по лингвокраеведению заинтересовались четыре команды, а в 1996 г. — уже 12. К сожалению, юным туристам кажется, что запись по вопроснику — очень легкое дело. А потому они или совсем не готовятся к нему, или даже распрачивают время на второстепенную работу. Так, многие ответы начинаются с пространных выписок из популярных книг о том, что такое топонимика, как она развивается, хотя это не имеет прямого отношения к выполнению задания. Однако, несмотря на то, что группы уходят на опрос практически к нему не подготовленными, даже в самых неудачных ответах встречаются интересные для науки факты. Так, одна из соревнующихся команд, работавшая по вопроснику очень формально, зафиксировала название реки Сестра с исконным ударением на первом слоге, а другой посчастливилось записать среди прочих микротопонимов очень древнее название — родник Кулбиц.

Так как команды ходят в разные годы по одним и тем же маршрутам, неподготовленность к собирательской работе становится особенно очевидной при сравнении записей об одной и той же деревне, сделанных разными командами. Так, Языково делится у одной команды на Спиченскую и Коженскую части, у второй — на Спиченскую и Кожевническую, а у третьей — деревня вообще якобы не имеет частей.

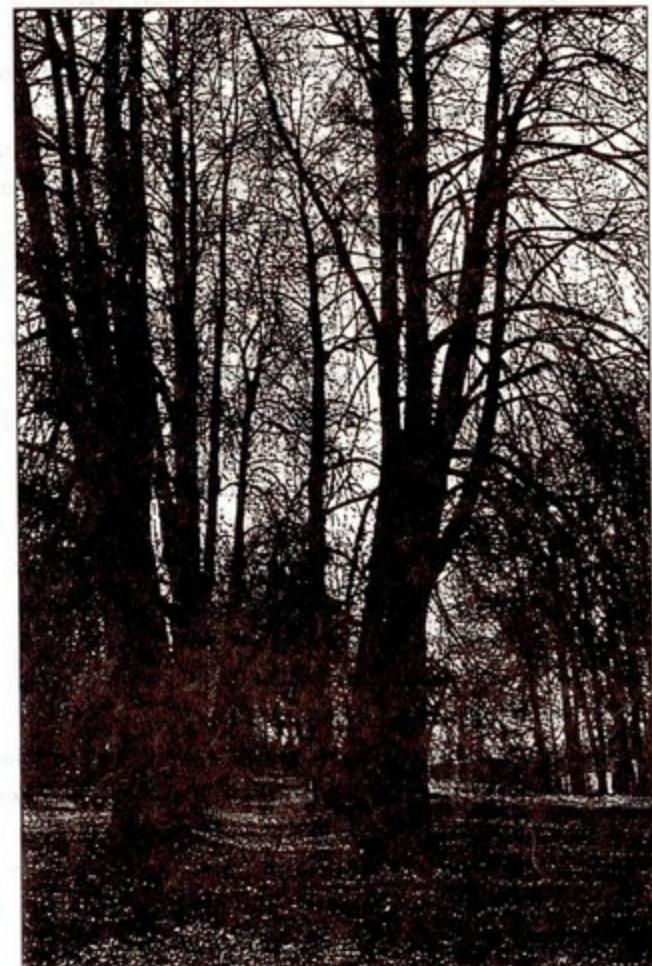
Фрагментарность сведений, добытых в условиях похода, также снимает научную ценность их материала. Например, школьники выяснили, что «деревня Федино делилась на две фамилии — Шамаханские и Дюдкины», но, к сожалению, туристам не хватило любознательности, чтобы расспросить жителей деревни о том, откуда и как появилась в Подмосковье экзотическая фамилия Шамаханские.

Подобные противоречия и недоработки делают очевидным невозможность использования принесенного из похода материала в научных целях, но работа по сбору местной ономастики, безусловно, имеет педагогическую ценность, так как привлекает внимание школьников к языку родной земли, носителем которого являются местные топонимы, фамилии и имена. Общеобразовательное значение собирательской работы на маршруте можно было бы существенно углубить, если бы юные туристы осознали, что грамотной записью местной ономастики они могли бы принести неоцененную помощь науке, ведь в каждом названии, даже в каждом его варианте, в самом звучании имени деревни, ручья, леса или человека закодирована информация, которую могут расшифровать только специалисты — языковеды, историки, этнографы, географы, краеведы.

О том, какую разностороннюю информацию содержат перечисленные собственные имена, можно написать целое исследование, но тема нашей статьи — сбор материала, а не его интерпретация, поэтому коснемся лишь нескольких его сторон.

- Языковеды получают в этой записи материал, чтобы изучать в собственных именах:
 - 1) древнюю русскую и субстратную (дорусскую) лексику;
 - 2) местную систему ударений;
 - 3) соотношение нормы и вариантности, которая никогда не бывает случайной;
 - 4) состояние местной диалектной системы, что имеет прямое отношение к исторической грамматике русского языка;
 - 5) народные способы адаптации заимствованных слов;
 - 6) способы местного называния как людей, так и земли, где они живут.

Интересно, что перечисленные «горячие точки» интересов чисто языковедческих соприкасаются с интересами других наук. Так, дорусская лексика указывает на дорусское население местности, а это уже входит в задачи истории. Изучение смены фамилий в деревне отчасти отражает передвижение русских народных масс вследствие общественных и экономических катаклизмов (например, трояки/тряти, бучаг, пупок и т.п.) и вся местная топография, зафиксированная в названиях. Словообразование личных имен и типы прозвищ многое говорят о нравственных ценностях местного населения, об отношениях между людьми, в том числе об отношениях между помещиками и крестьянами. И все вместе записанные нами имена — это неотъемлемая часть местного краеведения. Не знать имен своего края, в особенностях его названий, — это значит не знать самого края.

Аллея в Григорове
Фото Ясинской В.Н.
1996 г.